

УДК 82-21

ГОРЬКИЙ И ПЛАТОН (ПЬЕСА «НА ДНЕ»)

О. В. Богданова *Доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

GORKIY AND PLATO (PLAY «THE LOWER DEPTHS»)

O. V. Bogdanova *Doctor of Philological Sciences, professor,
St.-Petersburg State University,
St.-Petersburg, Russia*

Summary. The article discusses the using and application Platonic ideas of the world and man in the M. Gorky's play «The Lower Depths» as the basic stage of human society development, actualized by the playwright for the realization of the Foundation of his own idea of Man on his path to Light and Freedom. The paper shows that the symbolic line of Gorky's play is based on images and symbols of the philosophy of Plato, including, for example, the image of the cave, keys, etc. Compositional structure of the play starts from the structure of the dialogues of Plato, in particular the dialogue «Feast», its installation at the center of the narrative in the form of a feast table and the capabilities of each of the characters to speak in front of someone. The Eidos of Plato (the idea of love, hatred, virtue, envy, purity, dirt) become reference ideas in the reflections of Gorky-playwright.

Keywords: Gorky; drama; the play «The Lower Depths»; the philosophy of Plato; idea of a Proud Man.

В центре пьесы М. Горького «На дне» (1902) лежит принципиально значимая для писателя философия Человека (= Гордый Человек), которая оказывается стержневой для философской концептологии, которую претендует вербализовать начинающий драматург. С одной стороны, Горький подхватывает гуманистическую традицию мировой и отечественной литературы и обращается к фундаментальному экзистенциальному вопросу – «зачем он <человек> существует?» (поэма «Человек»), «как... ты <человек> будешь жить?» (очерк «Бывшие люди»), «Зачем вы живете?» (пьеса «На дне») [1, с. 890], с другой стороны, в русле идейной и моральной оптики времени полагается на принципы и позиции философии Платона, задумываясь о фундаменте человеческой эволюции, об истоках и основах человеческого самосовершенствования.

Еще не приступая к драматическому действию в пьесе «На дне», Горький на уровне вводной авторской ремар-

ки инъецирует слово-сигнал, которое символически высвечивает перспективу философских споров драмы-дискуссии. Уже первая фраза обширного авторского пояснения – «Подвал, похожий на пещеру...» [1, с. 890] – обнаруживает связь опорных и принципиальных для Горького идеологем с эйдосами Платона, обнажает мифопоэтические философские аллюзии горьковской «антропологии».

В одном из диалогов древнегреческого философа Платона приводится «Миф о пещере». Платоновский герой Сократ предлагает собеседнику выстроить призрачное видение: «Ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещённости и непросвещённости вот какому состоянию... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры...» [2, с. 295]. По Сократу, пещера олицетворяет собой субъективный социум, мир чувств и эмоций, в котором живут люди. Об истинном – объективном –

мире идей они могут судить только по смутным теням на стенах пещеры. Лишь просвещенный человек – т. е. мыслитель – может получить верное представление о мире идей, задаваясь вопросами и получая на них ответы.

Жизнь-пещера – одна из центральных мифологем культурного сознания конца XIX – начала XX в. Образ-символ пещеры играл большую роль в осмыслении бытийных вопросов времени. Доказательством может служить уже только тот факт, что самый известный перевод диалогов Платона был осуществлен именно в эти годы и одним из инициаторов и его исполнителей стал крупнейший философ начала XX в. Владимир Соловьев [3]. Горький добивается рационалистической актуализации элементов философского и образно-художественного мира древнегреческого мыслителя и поэта, платоновский миф о пещере становится эксплицированным «шифром» к восприятию семантической значимости пьесы, своеобразным кодом к ее глубинному прочтению. Благодаря платоновскому претексту поиск истины в пьесе «На дне» преодолевает пределы конкретики и укрупняется до масштабов осмысления всечеловеческого бытия.

С помощью скрытой цитации мифа о пещере Горький прибегает к широко известной платоновской аллегории, задавая координаты философской контроверсе и посредством метафорического образа устанавливая границы философского дискутирования о человеке. По существу, не выводя на сцену древнегреческого философа Диогена, драматург внесценически реинкарнирует его посредством произнесенных, но слышимых в затексте пьесы инвектив: «Ищу Человека!»

Импликация Платона в тексте Горького не ограничивается только образом-символом подвала-пещеры, ночлежки-пещеры, мира-пещеры. Уже следующий образ-деталь, возникающий в тексте вводной ремарки – ключи, актуализирует платоновское понимание истины как перехода из небытия в бытие, преодоление границ просвещенности/непросвещенности, выхода из пещеры на свет. На передний план сценического пространства пьесы драматург выводит образ героя-слесаря Клеща, своеобразного

Харона, который сидит, «примекая ключи к старым замкам», и «у ног его – две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки» [1, с. 890]. Ключи как емкий семантический комплекс символизируют и мировую ось, и путь познания мудрости и сокровитного знания, и возможность преодоления границ и преград, и обретение свободы и независимости, и возможность выбора, который допускает для себя человек. Использование Горьким в описании внутренности ночлежки архаизма «своды» («Потолок – тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой» [1, с. 890]) вырисовывает невидимую арочную мистическую дверь, ключи от которой во владении героев.

Не менее концептуален образ-мотив грязи («Грязь везде... грязница!» [1, с. 892]), создающий фоновую атмосферу исходной картины («все некрашеное и грязное» [1, с. 890]), почти все первое явление составляет спор о том, кому мести пол в ночлежке), имеющий генетическую связь с теориями Платона – представлением философа о низкой природе человека, подлежащей преобразению и облагораживанию, о той первичной (человеческой) материи, которая таит в себе почву для возвращения и перевоплощения.

В большой мере философский пласт платоновского интертекста актуализирован в сценической композиции пьесы, в ее сюжетном фокусировании вокруг мотива платоновского пира – обязательного условия для возможности мудрецов-философов высказаться, вступить в разговор, согласиться с оппонентом или оспорить чужое мнение, в любом случае – приблизиться к понимаю истинной сущности вещей. Пожалуй, самые значимые диалоги Платона – «Федр» и особенно «Пир» – построены именно таким образом.

Жанр застольных бесед (симпозиий), разговоров за чашей вина давал возможность Платону реализовать главный для него метод познания – диалектику, искусство рассуждать в общении, в обмене мнениями, особенно в ходе спора-дискуссии. Для древнегреческого философа застолье открывало потенциальность обращения к философским, этическим и эстетическим темам (например,

главная тема «Пира» – рассуждения о благе и понимании любви). Горький подобным же образом стремится организовать метатекстовое пространство пьесы «На дне», необычным для классической драмы характером мизансцены выявляя эристические интенции персонажей-ночлежников. Эксплуатация «платоновского» намерения высказаться – как средства отыскания истины – особенно репрезентативно прочитывается в заключительном явлении последнего действия (четвертого акта) горьковской пьесы – финальные монологи Сатина становятся апофеозом горьковской эристики в формате платоновского «Пира».

В атмосфере платоновского контекста можно говорить и о том, что важнейшую слагаемую философемы *Человек* Горький унаследовал от фундаментального (берущего начало от софистов) принципа древнегреческой логистики «Мера всех вещей – человек».

Сущностная компонента – одухотворяющая и оплодотворяющая горьковская *Мысль* – в значительной мере производна от идейно-метафорической образности Платона. Так, в диалоге «Федр» Платон рассуждает о душе, которую он представляет в виде крылатой колесницы, запряженной двумя конями. Ум исполняет в колеснице Платона роль возничего. У Горького «свободная подруга Человека» Мысль все и всюду прозревает своим «зорким, острым глазом». Человек Горького «создан Мыслию», затем чтобы «опрокинуть, разрушить, растоптать все старое, все тесное и грязное, все злое, – и новое создать на выкованных Мыслью незыблемых устоях свободы, красоты и – уваженья к людям» (поэма «Человек»). Именно эту идею (в весьма сходных выражениях) выскажет в последней «застольной беседе» пьесы «На дне» идейно значимый персонаж Горького – Константин Сатин.

Эмоциональные интенции горьковских персонажей, внутренние импульсы их поступков, этиология поведенческой манеры, даже любовные модерации героев (прежде всего «любовного треугольника» Пепел – Василиса – Наташа, а также отношения Квашня – Медведев, Настя – Бубнов, Настя – Алешка и др.) в значительной мере опосредованы пла-

тоновским претекстом. Можно говорить о том, что матрицу философских споров о подлинном познании сущности вещей, об истинном представлении о мире и человеке, о душе, любви, вере и надежде генерировали и ферментировали в тексте пьесы Горького философские идеи диалогов Платона, будучи активизированными самой эпохой начала XX в. и интеллектуальной жадностью молодого начинающего драматурга.

В русле платоновских имплицитов образы непосредственных обитателей подвала-пещеры предстают в тексте драмы-дискуссии Горького как современные героини-эристы, актанты спора о Человеке. Причем каждый из горьковских участников «мудрой беседы» репрезентирует некую грань контента Правда / Ложь, истина / сострадание и – согласно закону древнегреческой риторики – вводится в текст последовательно, поэтапно, занимая определенную ступень в идейно-образной иерархии (например, Наташа → Актер → Лука; или Пепел → Бубнов → Сатин).

Сам драматург – создатель пьесы «На дне» – «исполняет» роль традиционного древнегреческого логографа, создателя композиционного каркаса и самой системы доказательных аргументов риторика (у Платона – перед судьей, у Горького – перед читателем и зрителем).

Образ платоновской пещеры служит у Горького исходной точкой в его философии человеческой «эволюции», первой ступенью сложной иерархической лестницы трансформаций, философического превращения человека в Человека.

Библиографический список

1. Горький М. Избранные сочинения. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 890–951.
2. Платон. Избранное. – М.: АСТ, 2006. – 383 с.
3. Творения Платона / пер. Вл. С. Соловьева, М. С. Соловьева и С. Н. Трубецкого. – Т. 2. – М., 1903. – 396 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gorkiy M. Izbrannyye sochineniya. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1986. – S. 890–951.
2. Platon. Izbrannoe. – M.: AST, 2006. – 383 s.
3. Tvoreniya Platona / per. Vl. S. Soloveva, M. S. Soloveva i S. N. Trubetskogo. – T. 2. – M., 1903. – 396 s.

© Богданова О. В., 2016